

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

М.Г. Лазар

**ГРАНТОВЫЕ СИСТЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ НАУКИ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
В РАЗНЫХ СТРАНАХ (СТАТЬЯ 1-Я)**

M.G. Lazar

**THE GRANT SYSTEM OF FINANCING SCIENCE:
THE APPEARANCE AND FEATURES OF FUNCTIONING IN DIFFERENT
COUNTRIES (ARTICLE 1)**

В статье на базе понимания науки как социального института анализируются правовые и социологические аспекты понятия гранта, рассматривается зарождение и специфика грантовой системы финансирования науки во Франции в XIX и США в XX столетиях. На фоне особенностей финансирования, структуры науки и образования России и США, раскрываются декларируемые и недеклаируемые мотивы грантовой поддержки американскими фондами российской науки и образования в 90-е гг. XX в.

Ключевые слова: наука, финансирование науки, пожертвование, исследовательский грант, грантовая система.

In article on the basis of an understanding of science as a social institution analyzes the legal and sociological aspects of the concept of the grant, discusses the origins and specifics of the grant system of science financing in France in XIX and the United States in the XX centuries. On the background characteristics of the financing structure of science and education of Russia and the United States, reveals the declared and undeclared motives grant support American funds Russian science and education in the 90s years of the XX century.

Key words: science, science funding, donation, research grant, the grant system.

Появление в России постсоветского периода принципиально новой формы финансирования науки — грантовой системы, перенятой с зарубежных западных стран породило потребность анализа причин ее появления, практики организации в разных странах мира, а также проблем ее совершенствования, в частности, совершенствования системы экспертизы заявок на гранты (проектов), а главное — анализа последствий для ученых и российской науки в целом. Данная статья посвящена анализу специфики гранта как формы поддержки науки, его отличий от пожертвований, условий возникновения грантовой системы в разных странах и причин его появления в России.

При изучении места и времени зарождения, роли и функций грантов, многое зависит от понимания науки как формы духовного творчества, специфической деятельности по производству нового знания, как социального института и как профессии. Основы этой методологии социологии науки заложили Дж. Бернал, М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон и Н. Сторер и др., а в СССР — целая плеяда ученых, начиная с 20-х гг. XX в [см. 8, 10]. Но наряду с такой интерпретацией науки существовала социология знания М. Шелера, К. Мангейма и других, для которых наука — это идеология. И совсем другое дело, когда наука определяется как одну из форм поля социального пространства, в котором преобладает борьба и конкуренция агентов ради приумножения научного капитала (Б. Бурдье, Б. Латур и др.).

Методология социологии науки предопределяет видение доминирующих внутринаучных ценностей в отношениях участников этого социального института, отношений науки с экономикой, политикой и другими институтами общества, понимание мотивации занятия наукой, определение эффективности науки и критериев ее оценки, оценку роли научных публикаций в современной науке и многое другое, связанное с грантовой системой финансирования науки. В отмеченной выше книге мы касались лишь одного аспекта функционирования грантов — морально-этических проблем, с которыми сталкиваются все участники этой системы, но особенно — грантополучатели [8, с. 160–174].

Как структурный элемент человеческой культуры, как совокупность наличных теоретических знаний и методов познания, наука, бесспорно, интернациональна. Но как форма деятельности и социальный институт, имеющий специфические нормы и ценности, формы коммуникаций, специфические формы организации и управления, современная наука обладает, несомненно, ряд особенностей, связанных с историческими, экономическими, культурными и иными традициями страны в которой живут и действуют ученые. Или, как писал М. Вебер, наука является еще и профессией, функционирование которой предполагает существование профессиональных норм, социального контроля и финансирования. Преобладающей социологической парадигмой описания науки как социального института и профессии за последние полвека стала социология науки Р. Мертона, Н. Сторера, Т. Парсонса, т.е. методология структурного функционализма, раскрытая кратко Э.М. Мирским. Характеристики науки таковы:

- «обладание совокупностью специальных знаний, за хранение, трансляцию и постоянное расширение которых ответственно научное сообщество. Качество и целостность массива знаний постоянно проверяется экспертизой, в которой в разных формах участвуют все члены сообщества;
- наличие внутри профессии форм вознаграждения, выступающих достаточным стимулом для специалистов и обеспечивающих их высокую мотивацию относительно их профессиональной карьеры;
- автономность профессии в привлечении новых членов, их подготовке и контроле их профессионального поведения;
- заинтересованность социального окружения профессии в продукте деятельности ее членов (новом знании и владеющим им специалистах), гарантирующая как существование профессии, так и действенность профессиональных институтов» [10, с.18].

Не затрагивая пока аспект критики мертоновой концепции науки представителями социологии знания в 60–80-х гг. прошлого века, отметим, что представления школы Р. Мертона о науке оказались ближе к реальностям современности, а управление наукой содержит несколько сфер.

Во-первых, поскольку научная деятельность осуществляется сегодня везде *в научных организациях*, за последние десятилетия как зарубежом, так и в России *возросла роль научной бюрократии (государственной, академической, корпоративной и др.)*, которая занимается инфраструктурой, обеспечивающей эффективную деятельность научных исследователей. Содержание эффективности науки понимается весьма по-разному, то как максимальное повышение ее продуктивности в виде публикаций, новых методик, патентов и др., то как усиление той или иной функции науки в зависимости от потребностей экономики и политики. Однако еще в 60-е гг. прошлого века французский социолог М. Крозье показал, что сама логика бюрократических структур препятствует инновационной деятельности, поскольку бюрократия координирует деятельность низших звеньев, опираясь при этом на сложившуюся иерархию служебных обязанностей и формальные правила. Однако новые идеи, знания и способность к творчеству не могут появляться и передаваться в приказном порядке. А грантовая система как форма поощрения и дополнительного финансирования ученых при бюрократических порядках препятствует творчеству и самостоятельности, поощряет конформизм поведения и мышления, т.е. способствует развитию мейнстримовой науки, а не инновационных направлений, тем исследования.

Во-вторых, управление научной деятельности как профессии касается поведения многих тысяч исследователей и формирования сетей научных коммуникаций и информационных потоков, статусных отношений, контроля качества «научных продуктов» и что важнее всего, механизмов и норм воспроизводства профессии, подготовки новых поколений исследователей. Все это влияет на последствия введения грантовой системы в науке, особенно при ее введении в России, финансируемой в течение более 70 лет исключительно из госбюджета страны. Таким образом, в системе науки зародилась дихотомия целей науки и мотивации исследователей. Целью научного сообщества как творческой системы является обеспечение *исследовательской целостности* («research integrity») через систему экспертизы, т.е. оценки степени новизны вклада ученого, в то время как управление научными организациями нацелено на достижение *максимальной продуктивности* научной профессии, на рост вклада науки в развитие таких сфер общества как промышленность, сельское хозяйство, образование, медицина, оборона и др. [там же, с.18–19]. Это, как будет показано ниже, влияет на последствия грантового финансирования науки.

Исходя из такого понимания науки, перейдем к рассмотрению становления системы научных (исследовательских) грантов в зарубежных странах и в постсоветской России.

Слово «грант» прочно вошло в научный оборот в России в начале 90-х гг., когда в России начали действовать несколько зарубежных фондов (в первую очередь фонд Сороса) и появились первые зарубежные исследовательские гранты. Тогда же, в 1992 г., был создан и первый российский государственный фонд — РФФИ, но в начале 90-х гг. в российском законодательстве отсутствовали правовые механизмы обеспечения данной формы финансирования науки. Поскольку это понятие сегодня используется

широко не только в науке, но и в других сферах общественной жизни, необходимо более четкое его определение.

Сам термин «грант» — английского происхождения, что и провоцировало дискуссию о том, в какой стране зародились исследовательские фонды: в США или Франции. В английском языке слово «grant» имеет несколько значений: дар, подарок, субсидия, пособие как единовременная денежная выплата, стипендия. Обычно контекст употребления и подсказывает необходимый смысл. В Большом Российском энциклопедическом словаре это понятие трактуется как вид субсидии, предоставляемой организацией или частным лицом другой организации или частному лицу (как правило, в результате конкурсного отбора) для осуществления конкретных проектов в области науки, культуры, образования [1, с. 122]. В дальнейших наших рассуждениях мы будем опираться на правовое определение гранта, содержащееся в ст. 2 Закона РФ от 23.08.1996 года «О науке и государственной научно-технической политике»: «Грант — денежные или иные средства, передаваемые безвозмездно и безвозвратно гражданами и юридическими лицами, в том числе иностранными гражданами и юридическими лицами, а также международными организациями, получившими право на предоставление грантов на территории РФ в установленном порядке на проведение конкретных научных исследований на условиях, предусмотренных грантодателями» [4, ст. 2].

Этот механизм финансирования обладает ряд характеристик, которые отличают его от базового бюджетного финансирования.

Во-первых, — это *безвозмездность и безвозвратность* полученных средств (за исключением случаев нарушения правил предоставления отчетности).

Во-вторых, это *целевой характер* гранта, означающий, что грант выдается для конкретных целей, что требует представления отчета об использовании денег именно для достижения указанной цели. В случае получения исследовательского (научного) гранта, основной формой доказательства целевого использования является обнародование результатов, посредством публикации.

В третьих — это *адресность поддержки*, означающая, что гранты выдаются не организации, а научному коллективу, группе исследователей, денежные средства предназначены для конкретных исследовательских проектов, качество которых должно быть высоким.

Наконец, грант предоставляется для *социально значимых* целей в области культуры, образования, науки, здравоохранения и др., т.е. проекты обладают *общественной полезностью*. Вместе с тем, в законе ничего не сказано о механизме распределения грантов, о конкурсе и экспертизах, что формально не позволяет отличить гранты от родственной формы поддержки — пожертвования. Но это означает, однако, что власть не вмешивается в процесс оценки степени научной значимости заявки на грант, предоставляя это самому научному сообществу.

При более внимательном взгляде приведенная правовая формулировка содержит ряд аспектов, которые, с учетом советско-российского менталитета, ставят перед учеными новые и реальные морально-этические проблемы.

Грант не является коммерческой сделкой ни для одной из сторон, т.е. он, являясь безвозмездной формой помощи ученому, оказываемой на конкурсной основе, предполагает взаимное нравственное доверие сторон. В нем *не оговаривается вопрос*

об использовании грантодателем результатов исследования, хотя и предусмотрен жесткий контроль целевого использования полученных средств. На деле, для всех ученых постсоветского периода, в грантовой системе различных фондов содержалось принципиально новая идеология взаимоотношений ученого и заказчика, взаимоотношений между самими учеными одной организации, или внутри научной школы, страны. Это — идеология индивидуализма, основанная на жесткой конкуренции внутри науки на разных уровнях ее структуры, на морали индивидуализма, что, в принципе, противоречит духу науки, профессиональным нормам классической науки. Поэтому имеет смысл раскрыть некоторые новые морально-этические проблемы, возникающие в связи с функционированием грантовой системы.

Исследовательский грант является одним из видов грантов и предоставляется для проведения научного исследования или его подготовки, для покупки необходимого оборудования, организации конференции, участия в конференциях и симпозиумах, и для публикации результатов.

Предоставлению гранта предшествует подача заявки на участие в конкурсе. Полученные заявки проходят несколько уровней проверки и экспертизы, по результатам которых отбираются грантополучатели. Экспертиза (рецензирование) предполагает оценку заявок и проектов научных исследований внешними экспертами на предмет актуальности (значимости) темы заявки, степени новизны используемых методов, наличия достаточного уровня квалификации у претендента, позволяющего выполнить представленный проект, на наличие научного задела по данной теме. При этом высоко оценивается наличие патентов, получение каких-либо грантов до этого, наличие публикаций в престижных журналах или издательствах. Оценивается также в заявке возможность практического применения полученных результатов по данному проекту.

Институт рецензирования играет в науке специфическую роль, выступая в качестве своеобразного фильтра, способного отсеивать зерна от плевел. Он практически отсутствует в электронных публикациях, что и обязывает к осторожности при использовании интернетинформации.

Для более объективной оценки плюсов и минусов российской системы грантового финансирования науки, остановимся подробнее на ее становление в других странах, в первую очередь во Франции и США.

Во Франции традиция вручения призов за лучший письменный ответ на поставленный Академией конкурсный вопрос возникла еще в начале XVIII в. Вспомним полученную Ж.Ж. Руссо в 1741 г. премию за сочинение (трактат) на поставленный Дижонской Академией вопрос: «Способствовало ли возрождение науки и искусств улучшению нравов?», что сделало его знаменитым. «Раз в два года члены Французской Академии выбирали вопрос (как правило, теоретического характера), относящийся к актуальной на тот момент области исследований. Этот вопрос оглашался публично, и в течение последующих двух лет ученые, стремящиеся получить гран-при...имели возможность найти на него собственный ответ» [13, с. 192]. Участники (а их было немного в силу сложности вопросов) должны были до окончания срока подать в Академию свои «мемуары», затем комиссия академиков выбирала лучшую работу, а ее автор получал приз. Эта система наград как символ почета и признания ученого предполагала, что вручение состоялась ретроспективно, *после завершения исследований, как признание*

прошлых заслуг. Призы и награды имели исключительно символической ценностью, поскольку материальный эквивалент был незначительный. Однако, как отмечает тот же автор, с середины XIX в., начинается постепенный переход к монетарной системе поощрения: призы имели не столько символическую, сколько материальную ценность. Денежные суммы часто вручались в качестве дополнения к традиционным медалям и другим наградам, оставаясь вместе с тем ретроспективными, т.е. основание для их предоставления служили результаты уже завершенных исследований (или их этапы).

Переход к денежному поощрению ученых, которое пока мало чем отличалось от наградной системы по своим принципам, стал важным шагом в становлении грантовой системы во Франции. Специфика развития науки во Франции состоит в том, что благодаря духу Просвещения с его верой в силу знаний и науки, после Великой буржуазной революции в первой половине XIX в. доступ к образованию получило значительное количество молодых людей из малообеспеченных слоев населения. Для многих из них занятие наукой становится профессией, способом зарабатывания денег, что отличает их от предшествующих поколений, когда занятие наукой было скорее хобби обеспеченных людей. Большинство членов европейских академий наук на более ранних этапах развития науки, не получали жалования за свои научные изыскания, наука являлась для них лишь способом получения общественного признания [см. 6]. Вспомним отношения и конфликт знаменитого французского ученого графа Сен-Симона и его секретаря О. Конта, прервавшего учебу из-за нехватки средств, что не помешало ему становиться впоследствии знаменитым философом и основателем социологии как науки. Может быть, именно этот конфликт двух знаменитых французских предшественников стал у французского социолога П. Бурдьё в 60–70-е гг. XX в. одной из причин выдвижения борьбы и конкуренции ученых («агентов») в поле науки, за приумножение своего «научного капитала» в качестве доминантной характеристики науки [14].

Во второй половине XIX в. наблюдается бурное развитие промышленности, в обществе возрастает потребность в специальных технических, естественнонаучных знаниях, расширяется доступ населения к научному образованию, параллельно зарождаются новые социально-гуманитарные науки — экономическая наука, социология, политология, психология, археология, антропология и другие. Занятие наукой требует уже значительных финансовых средств, в том числе и для социально-гуманитарных наук, которые получают все большее признание во Франции, в результате чего растет финансовая поддержка науки обществом в разных формах — как со стороны государства, так и в форме меценатства частных лиц. Вместе с тем, переход от вручения научных наград и медалей к денежным призам был весьма сложным процессом, поскольку идея материальной помощи тому, кто нуждается в средствах была чужда научному сообществу. «Когда в 1869 г. Гегнер предоставил Академии средства для присуждения ежегодного гранта в размере 4000 франков «бедным ученым», члены Французской академии наук незамедлительно потребовали от него исключить из декларации об учреждении гранта данную формулировку» [13, с. 194]. Как отмечает дальше тот же автор, рост денежных фондов, находящихся в распоряжении Французской академии, «позволил начать присуждение небольших денежных призов молодым перспективным ученым для проведения исследований» [там же]. Эти «поощрения»

(encouragement), как назывались тогда эти премии, могли как и сегодня, быть потрачены как на покупки необходимого материала и исследовательского оборудования, так и для оплаты проезда к месту проведения исследования и уплаты аренды лаборатории). К концу XIX в. уже появился целый ряд исследователей, которые получали денежные «поощрения» регулярно, что дает основания признать первенство Франции в зарождении и использовании грантовой системы финансирования науки. Во всяком случае, в начале XX в. большинство членов научного сообщества признали необходимость финансовой помощи перспективным ученым, но «тем не менее, основной преградой для этого (появления исследовательских грантов — М.Л.), как ни странно, являлись меценаты, ...они выступали против дробления их средств на небольшие денежные поощрения: сложно было прославить свое имя посредством награждения сравнительно небольшой денежной суммой ученых, еще неизвестных даже научному сообществу» [там же, с. 195]. Поэтому, можно считать, что американцы формально первыми создали фондовые гранты (Карнеги, 1902), а французы лишь в 1907 г., когда потомок Наполеона, Роланд Бонапарт, не нуждающийся в прославлении своего имени, согласился чтобы подаренная им Академии сумма в 100000 франков была распределена в дальнейшем между талантливыми исследователями из разных сфер науки. Гранты Бонапарта стали финальной точкой процесса становления грантовой системы, основные черты которой существуют и сегодня. «Уже в первый год после появления грантов Бонапарта в Академию было подано 107 заявок, но лишь 10 исследователей сумели их получить» [там же, с. 196].

Что касается науки в США, то вторая половина XIX в., особенно 70–80-е гг. характеризуются бурным созданием исследовательских университетов нового, Гумбольдского типа, появившихся путем превращения множества колледжей в университеты. Исследовательские университеты, зародившиеся в Пруссии в начале XIX в., стали развиваться и во Франции во второй половине этого же века. Исследовательские университеты характеризуются тем, что реально сочетают в себе преподавание и науку, сочетают подготовку кадров высшей квалификации с процессом выработки новых знаний, активным развитием науки, путем создания на базе университетов лабораторий, исследовательских центров и институтов (см. 8, с. 60–65). Будучи прагматичной нацией, американцы поддерживали университетскую науку не только с помощью государственного финансирования, но в нее обильно инвестировал и инвестирует и сейчас крупный бизнес. Что касается системы исследовательских грантов, то она весьма масштабная и разветвленная, и насчитывает несколько сот организаций грантодателей государственного и частного типа. Раньше других возникли частные фонды, они были организованы крупными фирмами и корпорациями. Например, в первой трети XX в. были организованы Институт науки Карнеги (1902), фонд Расселя Сейджа (1907), фонд Рокфеллера (1913), фонд Форда (1936) и др. И хотя не все они давали гранты на науку, и не всегда отдельным исследователям, а организациям, в целом оказали реальную поддержку развитию американской науки, особенно во время кризиса 1933–1934 гг. (9: 99–138). К этому периоду относится и начало формирования и использования государственной грантовой системы для поддержки науки в США, которая использует опыт финансирования частных фондов. Одним из первых после второй мировой войны государственных фондов является Национальный научный

фонд (National Science Foundation), основанный в 1951 г., среди множества других выделяются фонды министерства обороны США, НАСА, министерства здравоохранения, энергетики, сельского хозяйства, торговли, транспорта. Вначале ННФ использовал систему государственных контрактов на базе отбора проектов предложенных самими учеными, но со временем механизм предоставления финансовой помощи меняется и превращается в грантовую систему, которая, однако, потребовала большего объема документации. Реформа этого фонда 1975 г. установила более четкие критерии отбора (рецензирования) заявок на грант, которые сегодня практически используются во всем мире: вклад проекта в развитие науки и целом, актуальность темы, ее значимость для данной области науки, компетентность и опыт заявителя, наличие необходимой материальной базы.

Одним словом, наука в Америке в XX в. *развивается как университетская наука*, там именно *университеты являются источником новых знаний и научного прогресса*, они расположены по всей территории Америки, а не только в столице. Там университеты создавались более или менее равномерно в разных городах страны, там возник и действует реальный рынок научно-педагогических кадров (интеллектуального труда), который в свою очередь создал реальные, а не искусственные рейтинги этих университетов, признание уровня науки и подготовки кадров в них. Ни Гарвардский, ни Принстонский, Стэндфордский и другие известные на весь мир университеты не находятся в столице США.

В современной России ситуация, пожалуй, противоположна. Основные научные центры, научно-педагогические кадры сосредоточены именно в двух столицах — Москве и Санкт-Петербурге, что не означает, однако, что в регионах нет хороших НИИ, университетов и качественного высшего образования. Но реальность такова, что и в дореволюционном периоде наука развивалась преимущественно в столице империи — Санкт-Петербурге, а в советском периоде истории и сегодня так же в Москве концентрировано большинство квалифицированных кадров науки (докторов и кандидатов наук), именно туда перетекает и львиная доля финансирования науки — как базового, бюджетного, так и из существующих фондов. Фундаментальная наука в России сконцентрирована преимущественно в академических учреждениях Москвы и Санкт-Петербурга и в меньшей степени в нескольких других городах, а ведущей организационной структурой, штабом науки еще с петровских времен стала Академия наук. Университеты, конечно, тоже занимаются наукой, но советский период закрепил иное, чем в США организационную структуру и систему финансирования. Причем в советском периоде, преподаватели университетов получали зарплату значительно более высокую, чем в настоящее время, а наука и образование были востребованы. Но преподавание, подготовка кадров занимала первое место, а зарплата вполне хватала на достойную жизнь, при том, что учебная нагрузка была гораздо меньше, чем сейчас, книги были дешевле и доступны, библиотеки регулярно пополнялись новейшей литературой, что позволяло вузовским ученым заниматься реально и наукой, хотя занятие наукой было на второе место. Сейчас у преподавательского состава большинства вузов России нагрузка настолько велика, а оплата их труда настолько низка, что, будучи вынужденными подрабатывать в нескольких местах, ученые вузов реально могут уделять науке меньше времени чем до 1991 г.

Естественно, что в ситуации политического и экономического кризиса начала 90-х гг., как и сейчас, *зарубежные гранты спасали от нищеты* небольшую часть ученых университетов и академических учреждений России и позволили хоть в какой-то степени заниматься наукой.

В связи с указанной особенностью развития американской университетской науки возникает вопрос об «оригинальности» реформы высшего образования России последних десяти лет. Реформа науки и образования проводится сверху, чиновниками от науки, которые по спорным критериям осуществляют разделение университетов (созданных в чрезмерном большом и бесконтрольном порядке в 90-е гг. прошлого века), на исследовательские, бюджетные и другие категории. И это в условиях, когда расходы государства на науку и образование снизились на порядок по сравнению с 80-ми гг. прошлого века, когда крупный бизнес практически не инвестирует в науку и высшее образование, т.е. получает кадры бесплатно, когда в российской экономике и обществе в целом нет спроса на науку, на наукоемкие технологии и производство.

Многие ученые сходятся во мнении, что концепция реформирования российской науки, предложенная правительством, которая предполагает поддержку 200 «элитных» организаций и постепенное сокращение (ликвидацию) остального «балласта» из 2,5 тыс. научных учреждений — весьма спорная. Ее претворение в жизнь приведет к разрушению фундаментальной науки в России [см. 7, с. 41–50]. Бесспорно, в российской науке, в условиях ее невостребованности экономикой и властями страны, появились принципиально новые тенденции развития. Это — разрыв между реальным вкладом творцов науки в потенциал страны и их плачевным материальным положением, это — деградация нравственных отношений в науке на фоне падения ее престижа в обществе и перехода общества к иным моральным ценностям, главная из которых — успех любой ценой. Это — разрыв преемственности поколений в науке при явном старении кадрового потенциала, когда 63 % докторов и 34,2 % кандидатов наук старше 60 лет [5, с. 48], это — резкое изменение организационных форм и финансирования науки, это — смещение духовных ценностей на второй план как в науке, так и в обществе. Престижно стало одно: уметь зарабатывать как можно больше, не слишком заботясь о средствах.

В России в 1992–1993 гг. стали появляться множество зарубежных частных фондов и два отечественных государственных фонда, которые оказывали реальную поддержку российским ученым через систему грантов. Интенсивность их финансирования была разной в разные годы, цели и причины их появления в России уже во многом изучены науковедами и организаторами науки, хотя пик финансирования зарубежных фондов остался в прошлом [3, 8, 12].

Ретроспективный анализ работы иностранных фондов, предоставивших гранты российским ученым в прошлом указывает на то, что интерес представляют не только официально декларированные, но и **недекларированные цели** и причины их появления. К **декларированным**, открытым относятся такие цели фондов, как интернационализация российской науки и продвижение России к цивилизованному обществу, препятствование процессу «утечки мозгов» за границу. Их суть состояла в том, чтобы оказать финансовую поддержку российской науке в ситуации катастрофического урезания ее бюджетного финансирования в начале 90-х гг. прошлого века. Эти открыто

декларированные цели касаются как отечественных фондов, так и зарубежных. Остается непонятным при этом лишь один вопрос: при очевидной невостребованности большинства направлений российской науки «родным» государством и бизнесом, теми, кто дал «добро» на реформу науки, на создание фондов и грантовой системы, **для кого и для чего** поддерживалась российская наука американскими, европейскими и другими фондами и организациями? Ведь давно известно, что рачительный хозяин просто так деньги на ветер не будет бросать.

Рискуя быть обвиненным в односторонности оценки этих целей, понимая наличие множества оттенков в освещении этого вопроса, укажем здесь на *политический контекст* деятельности грантовых фондов. Существует доклад «Переориентация исследовательского потенциала бывшего Советского Союза», подготовленный в 1992 г. для советника президента США по науке и технологии, над которым работали 120 американских экспертов. В нем рассматривались и предлагались различные *способы и направления сохранения и переориентации науки и техники бывшего СССР в интересах США*. Это — оценка возможностей стран бывшего СССР в области энергетики, экологии, биологии, это — переориентация специалистов ВПК в области физики, химии, биологии, геологии и математики (которые потом и финансировались фондом Сороса), это — определение областей приоритетной специализации для молодых ученых, среди которых генетика, биологическое разнообразие, эффективность энергии, развитие прибрежных зон и другие. Всего пять направлений, но в них можно усмотреть главные направления и формы вовлечения ученых этих стран в возможной эмиграции под лозунгом интернационализации науки [см. 2, с. 1088–1103]. Десять лет спустя, исполнительный директор Американского фонда гражданских исследований и развития (CRDF) и его президент доктор Г. Шерр в статье «Почему нам следует позаботиться о российской науке?», опубликованном в журнале «Science» в 2001 г., подтверждает эти направления поддержки и кроме отмеченных выше причин и научных направлений добавляет также переориентацию российских ученых и инженеров от обороны к гражданским секторам [12, с. 160]. Хотя активность и приоритеты зарубежных фондов со временем менялись, а сейчас их поддержка сведена к минимуму, массовая эмиграция российских ученых за рубеж из перечисленных областей науки и техники преимущественно в США, за последние 20 лет стала реальным фактом и огромной потерей для научного потенциала России. В этом, на наш взгляд, *суть недеklarированных целей оказания финансовой помощи российским ученым*. Хотя на словах декларировалось препятствование миграции ученых, на деле получилось обратное. Не случайно проблема миграции ученых стала острой и для Европы в целом. Например, Европейское Физическое общество било тревогу и заявило, что хочет выставить счет правительству США за «уведенных» физиков из Европы, оценивая каждого в один миллион евро [там же, с. 146]. Декларированные тогда открытые политические цели остались в силе: построение гражданского общества и развитие демократии в России. Насколько в России и других государствах, бывших республиках СССР реализованы эти цели, судить сейчас трудно, хотя мнения на этот счет достаточно единодушны — прогресса мало. Но факт остается фактом: за последние 20 лет из России эмигрировало более 400000 ученых и инженеров, специалистов наиболее активного возраста. Процесс этот продолжается и ныне, но его размах снизился, благодаря росту количества совместных исследований,

стажировок и командировок в другие страны, оплачиваемых разными фондами при помощи грантов. Существующие исследования по результатам деятельности фондов отмечают единодушно, что *гранты и конкурсная система в целом в значительной степени способствовали интернационализации российской науки и ее интеграции в мировую науку*. Спорить с этим трудно, но заданный выше вопрос остается: что приобретает или выигрывает от всего этого Россия, властям которой наука не очень нужна, и что выиграла реально Америка?

В следующих статьях и предлагается анализ систем грантового финансирования в Евросоюзе, Германии и России, их общие черты, отличия и последствия для науки.

Литература

1. Большой Российский энциклопедический словарь. — М.: 2003.
2. Дежина И.Г. Зарубежные гранты для российских ученых. // Вестник РАН, 1997, т. 67, № 12.
3. Дежина И.Г. Государственное регулирование науки в России. Под ред. Н.И. Ивановой. — М.: Магистр, 2008.
4. Закон РФ от 23.08.1996 года «О науке и государственной научно-технической политике, ст. 2.
5. Индикаторы науки: 2014. Статистический сборник. — М., 2014. — 399 с.
6. Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий: середина XVII — середина XVIII вв. — Л: Наука, 1974.
7. Келле В.Ж. Состоится ли инновационная модернизация России? // Социология науки и технологий, 2010, т. 1, № 1, с. 40–51.
8. Лазар М.Г. Социология и этика науки в России: прошлое и настоящее. — СПб.: РГГМУ, 2012. — 262 с.
9. Мирская Е.З. Государственные гранты как инструмент модернизации российской академической науки. // Вестник РГНФ, 2006, № 3.
10. Мирский Э.М. Социология науки — новые вызовы. // Социология науки и технологий, 2011, т. 2, № 3, с. 13–30.
11. Наука по-американски: Очерки истории. Перев. с англ.; предисловие Д. Александрова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014.
12. Петровский А.Б., Диденко Н.И. Грантовое финансирование как барьер для научной эмиграции. // Проблемы деятельности ученых и научных коллективов. Международный ежегодник, 2001, вып. XVI, т. 1.
13. Студенцова Е.А. Исторический анализ формирования системы исследовательских грантов во Франции. // Известия Смоленского государственного университета, 2012, № 4, с. 191–197.
14. Стрельцова Е.А. Исследовательские гранты в поле современной науки (социологический анализ). Автореферат дисс... канд. социолог. наук. — СПб., 2014.